

0: НЕЗАВИСИМОСТЬ «КУЛЬТУРЫ»

1.

Можно сказать, что на пороге послевоенного периода у поляков возникли три главных центра независимой интеллектуальной жизни, важных в исторической перспективе и в более поздние годы успешно продолжавших свою деятельность. Первый действовал на родине и подвергался всем ограничениям, связанным с этим фактом: он был создан краковским «Тыгодником повсехным» под редакцией Ежи Туровича и кругом авторов и читателей этого краковского еженедельника. Два других были созданы в изгнании и формировались вокруг лондонских «Вядомостей» и парижской «Культуры», которую возглавлял Ежи Гедройц. Взаимоотношение и взаимная напряженность, возникавшие в этом треугольнике, еще ждут исследования — особенно важным представляется изучение переписки представителей этих трех кругов, деятельность которых различалась как с тактической точки зрения, так и со стратегической. Одно все-таки, кажется, не подлежит сомнению: все три центра были настроены на спасение суверенности польской политической мысли, все три характеризовались также особым вниманием к культуре, в первую очередь к литературе. Принципиальная разница их позиций вытекала из отношения к общественно-политической действительности в Польше. Лондонские «Вядомости» эту действительность отвергали во имя сохранения своеобразной фикции политической непрерывности Второй Речи Посполитой. «Тыгодник повсехный», в эту действительность погруженный, принял подход, верно определенный в «Моральном трактате» Чеслава Милоша как возможность влиять на «лавины бег» — разумеется, с учетом существующих ограничений. И, наконец, «Культура», живя в условиях, позволяющих полную свободу слова, с самого начала была настроена на диалог со страной, одновременно стремясь наблюдать общественно-политические реалии ПНР. Как для «Тыгодника повсехного», так и для «Культуры» сохранение государственной непрерывности было откровенной утопией, что, кстати, отразилось в прямом заявлении коллектива «Института литерацкого» [«Литературного института, издательства «Культуры»] («Тыгодник повсехный наверное и не мог, и не хотел бы в тогдашних условиях делать подобные заявления) относительно необходимости — когда Польша станет независимой — отказаться от утраченных восточных земель; на страницах «Вядомостей» такое высказывание было бы невозможным ввиду того, что газета безоговорочно поддерживала линию правительства в изгнании, которое требовало восстановить довоенную восточную границу, одновременно считая принципиальным признание дарованной Польше после войны западной границы.

2.

Фундаментом деятельности «Культуры» было обеспечение ей независимости, в том числе — а может быть, прежде всего — и финансовой. В первый период своего существования журнал бился с немалыми трудностями. Тем не менее с самого начала было очевидно, что в поисках финансовой поддержки нельзя поставить себя в зависимость от каких-либо польских или иностранных политических центров. Комментируя свое отношение к положению, царившему в эмигрантской среде, Гедройц писал в 1949 г писателю Анджею Бобковскому:

«Положение в Лондоне как со стороны президента, так и, громко сказано, партий такое паршивое, что мы на днях собираемся с Юзем [Юзефом Чапским] в Лондон, чтобы сказать им пару слов правды и окончательно расстаться с этим обществом. Понятное дело, это будет расставание фактическое, потому что нет смысла устраивать какие-то расколы, скандалы и т.п. Сведется к тому, что мы перестанем просить у них деньги и получим полное моральное право действовать самостоятельно, руководствуясь только своей совестью и интуицией».

Два года спустя схожий вопрос Гедройц разяснял в переписке с Ежи Стемповским. Он писал, что «разложение политической эмиграции и сведение всего к борьбе теней за фиктивные звания и посты и за отнюдь не фиктивные остатки денег все больше принуждает нас к самостоятельному ведению политики. Думаю, что попытка сотрудничества с американцами не тождественна превращению в агента, берущего денежки, так же как попытка разговоров с немцами не равнозначна симпатиям к гитлеризму и отказу от Западных земель».

Повторяющиеся кампании «Культуры» за приобретение числа подписчиков, позволяющего выжить; всяческий сбор средств, прежде всего на покупку помещения редакции в Мезон-Лаффите; поиски меценатов, готовых оплатить издание одного номера журнала, — все это составляет увлекательный сюжет в жизни созданного Ежи Гедройцем центра. Несомненно, однако, что несколько раз журнал оказывался в положении, когда планировать номера, кроме текущего, выглядело занятием беспредметным. В переписке Гедройца, особенно в первые годы су-

ществования «Культуры», повторяются фразы, свидетельствующие не только о его упорстве, но и о юморе: «„Культура“ прекрасно разрастается и, собственно говоря, полностью обанкротилась, что не портит нам настроения и не мешает докучать эмиграции и строить все более безумные планы».

В то же время это чувство независимости и забота об авторском аспекте «Культуры» не ограничивались только финансовыми вопросами. Существование журнала стало тесно связано с личностью его редактора, его манерой работы и чувством миссии. Интересно отметить, что довольно рано возник вопрос о наследовании и что уже тогда, в 1952 г., Гедройц принял решение, которое в позднейший период, а также после его смерти возбуждало острые споры, — решение прекратить издание «Культуры» со смертью ее создателя.

Еще одним важным фактором, позволившим «Культуре» сохранить свою независимость, была характерная черта самого Гедройца. Он говорил о ней в «Автобиографии в четыре руки» [написана в сотрудничестве с Кшиштофом Помянком], где, оценивая работу «коллектива „Культуры“», подчеркивал, что «хотя (...) для меня он был чем-то в высшей степени реальным, но для его членов он вовсе не существовал», и указывал главный принцип сотрудничества с «коллективом»: «Я всегда был лоялен ко всем своим сотрудникам, хотя это втягивало меня в конфликты с некоторыми из них, когда они ссорились друг с другом, а мне приходилось становиться на чью-то сторону».

3.

Урок, который сегодня представляет собой наследие «Культуры», не будет до конца понят, если не выделить два периода деятельности журнала и самого Ежи Гедройца. По очевидным причинам необычайно важно первое десятилетие, то есть и время, когда кристаллизовалась программа журнала и сам его коллектив, и время борьбы за материальное выживание «Культуры». Но столь же важно и последнее десятилетие — время, когда Польша обрела государственный суверенитет, когда подавляющее большинство политических учреждений, созданных за границей, перестало функционировать и когда, как могло бы казаться, нет никаких оснований к тому, чтобы они продолжали функционировать. Символическое признание лондонским правительством государственной непрерывности Второй и Третьей Речи Посполитой было подчеркнуто передачей знаков власти президентом в изгнании Качоровским президенту Валенсе. Тем не менее «Культура» не отказалась от своей миссии — наоборот, она стала как будто динамичней, во всяком случае сохранила критическую дистанцию по отношению к преобразованиям в Польше.

Похоже, что эта позиция как в начальный период, так и во времена после обретения Польшей государственного суверенитета была результатом принятого в «Культуре» стиля политического мышления, который мы находим еще в редактировавшихся Гедройцем в межвоенный период «Бунте молодых» и «Политике». В основополагающие элементы этого стиля мышления входило: неустанно формулировать новые решения и изучать взаимозависимость между общественным сознанием и системой политического устройства. В письме, написанном в 1951 г. Мельхиору Ваньковичу, Гедройц прямо формулировал, какую роль должна сыграть «Культура»:

«Я не чувствую себя в силах создавать историческое течение. Моих амбиций хватает лишь на стремление создать экспериментальную мастерскую, в которой изучают анализируют, извлекают выводы и эти выводы стараются провести в жизнь. (...) Понимаю, что многое может Вам не нравиться, но тогда прошу спорить, предложить другое решение, одним словом: сотрудничать. Я не хочу ни превращать „Культуру“ в капличку, ни формулировать догматические тезисы».

Таким образом, «Культура» должна была стать своего рода политическим клубом, довольно разнородным, открытым к различным мнениям — за исключением крайних как слева, так и справа.

В первом номере журнала цели и задачи коллектива, собравшегося вокруг него, изложены в трех пунктах:

«„Культура“ стремится позволить польским читателям, которые, выбрав политическую эмиграцию, оказались за границами родной страны, осознать, что культурный круг, в котором они живут, — это не вымерший круг.

„Культура“ стремится дойти к польским читателям на родине и укрепить в них веру в то, что близкие им ценности еще не рухнули под обухом грубой силы.

„Культура“ желает искать в мире западной цивилизации ту „волю к жизни“, без которой европеец вымрет, как вымерли некогда „правлящие слои бывших империй“».

Неслучайно и то, что в этом заявлении авторы сосредотачиваются на вопросах культуры, а не политики — политика оказывается, как это уже было видно из журналов, редактировавшихся Гедройцем в межвоенный период, функцией культуры. Культурные ценности определяют смысл политических начинаний, становятся решающими

в значении этих начинаний перед лицом опасностей, которые встали после войны перед европейской цивилизацией. Одно как будто было для «Культуры» неопровержимым — факт, что эта цивилизация стоит на пороге нового кризиса, в том числе и кризиса государственного и общественного устройства. Как писал в 1951 г. о. Юзеф Мария Бохенский в «Демократическом манифесте», подписанном коллективом «Культуры»:

«Я хочу особо подчеркнуть, что речь идет о **нравственном чувстве**. Капитализм мы отвергаем не потому, что он экономически вреден; быть может, экономически он лучше любого другого устройства. Мы отвергаем его потому, что он ведет к обстоятельствам, **нравственно** непереносимым».

Разумеется, это ни в коей мере не означало приятия советской системы. Однако заставляло неустанно изучать перемены, происходящие в стране, в особенности наблюдать социально-экономическое положение. В листовке, озаглавленной «Какие из перемен в Польше обратимы?» редакция, обращаясь в 1955 г. к читателям на родине, подчеркивала:

«Проводя анкету о социально-экономических переменах в Польше, редакция „Культуры“ ставила целью задуматься над путями развития польской экономики и извлечь выводы на будущее. (...) Нельзя думать только об обретении свободы — нужно заранее планировать, как мы будем работать, когда станем не только хозяевами в своей стране, но и партнерами в созидании новой Европы».

Эта европейская перспектива лежит в основе стиля политического мышления, предстающего на страницах «Культуры». Причем это с самого начала образ «новой Европы» — такой видел ее Густав Герлинг-Грудзинский во вступлении к «Книгам польского народа и польского пилигримства» Мицкевича, первой книги, выпущенной «Институтом литерацким», такой она является в манифесте Бохенского, такова же она и в переписке Гедройца с более и менее близкими сотрудниками. Эта «новая Европа» обязана — так, по крайней мере, видел это и Юлиуш Мерошевский — искать социально-экономический порядок, который не только обеспечит материальное благополучие, но сверх того сохранит этику труда и достоинство трудящихся. Вышеназванное «нравственное чувство» выглядит здесь делом основополагающим. По той же причине вышеупомянутая анкета относительно перемен устройства в Польше не была лишена оснований: речь шла о том, принимает ли общество новый порядок и в какой степени; насколько этот порядок влияет на формирование общественного сознания данного устройства. Не без значения остается и то, что специальные номера журнала, посвященные положению в Польше, были своей очередь попыткой помочь эмигрантскому обществу осознать направление и глубину преобразований, происшедших в стране после войны. Притом опять-таки речь не шла о приятии этих реалий, но о том, чтобы показать их и анализировать — в убеждении, что они накапливаются и после обретения Польшей независимости с этим нужно будет считаться, а значит, учитывать их при всех попытках конструирования программ на будущее.

В 70-80&